

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

Государство и частное предпринимательство в условиях "догоняющего развития"

Проблемы воздействия государства на экономическую жизнь, разумной степени его вмешательства в хозяйственные процессы дискутировались на всех этапах российских реформ. Ныне, особенно после начала финансового кризиса осени 1998 года, эта тема получила новый импульс. Причем, думается, наиболее актуален не "коренной" вопрос либеральных реформаторов - нужно ли вообще такое вмешательство, а иной подход к теме: какой тип воздействия государства на экономику может дать ей наибольший эффект, каковы варианты взаимоотношений государства и частного предпринимательства и к каким последствиям они приводят. С этой точки зрения для нас особо актуален опыт тех стран, которые уже давно успешно идут по пути рыночной трансформации своей экономики, прежде всего стран Юго-Восточной Азии. Эти проблемы разрабатываются группой сотрудников Центра сравнительных исследований России и Третьего мира Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта "Роль государства в переустройстве общества и мирохозяйственных связей. Опыт развивающихся стран и Россия" (проект № 98-02-02209). За "круглым столом" журнала собрались участники этого проекта: академик **Нодари Александрович СИМОНЯ** (заместитель директора ИМЭМО РАН), доктор экономических наук, профессор **Анатолий Яковлевич ЭЛЬЯНОВ** (заведующий отделом ИМЭМО РАН), доктор экономических наук **Валя Гдалевич ГЕЛЬБРАС** (профессор Института стран Азии и Африки при МГУ), кандидат экономических наук **Александр Сергеевич СОЛОНИЦКИЙ** (заведующий сектором ИМЭМО РАН), кандидат экономических наук **Александр Николаевич ФЕДОРОВСКИЙ** (заведующий сектором ИМЭМО РАН). Наиболее интересные моменты обсуждения обобщены редактором отдела социально-экономических проблем журнала "Общественные науки и современность" **Наталией Михайловной ПЛИСКЕВИЧ**.

Государство и становление новой экономики

А.Я. Эльянов: Характер отношений государства и частного бизнеса в принципе определяется уровнем и типом общественного развития. Об этом свидетельствует история. В традиционных обществах государство либо индифферентно относится к частнопредпринимательской деятельности, либо стремится ограничить ее и приспособить к своим нуждам. При квазисоциалистическом общественном устройстве частный сектор официально отвергается и жестко преследуется, но не исчезает, а уходит в подполье. И уже в таком качестве, смягчая непомерно жесткие сочленения изводящих его командно-разверсточных систем, объективно эти системы поддерживает.

В развивающихся и переходных обществах, освобождающихся от традиционных и квазисоциалистических догм и предрассудков, рост частного предпринимательства существенно ускоряется. Но реальная динамика и тип его развития не в последнюю

очередь зависят от позиций и действенности государственной власти. Когда власть сильна, профессиональна и эффективна, решающее значение приобретают ее целевые установки и состояние общества. Однако известно, что сила власти не всегда сочетается с необходимым профессионализмом, а профессионализм - с достаточной силой.

При всех различиях, связанных со спецификой каждого из развивающихся и переходных обществ, в основе их экономической трансформации лежат идеи либерализма. Такова логика общественного прогресса, нацеленная на высвобождение творческой энергии масс. Но в реальной жизни либерализация не может быть абсолютной. Ибо в этом случае мы придем не к вождельной демократии, подразумевающей определенный порядок, покоящийся на системе сдержек и противовесов, а к вседозволенности и хаосу.

Выдающимся защитником нового взвешенного подхода к либерализации хозяйственной жизни был архитектор немецкого "экономического чуда" Л. Эрхард. Уместно напомнить, что его концепция восстановления и развития разрушенной ВОЙНОЙ ЭКОНОМИКИ Германии была признана далеко не сразу. Сначала она стала мишенью ожесточенных нападков как справа, так и слева. Но, парируя выпады левых, Эрхард подчеркивал определяющую роль закона и права в решении социальных проблем. Он отмечал, что социальные беды традиционного капитализма были не следствием рыночных принципов и либеральных свобод, а результатом того, что находящееся в плену классовых предрассудков государство отказалось от применения права и закона для излечения социальных пороков. В полемике же справыми Эрхард акцентировал внимание на том, что без основанного на праве порядка и направляющей экономической политики государства невозможно добиться необходимых динамизма и эффективности.

Рыночная трансформация (вне зависимости от того, с какой стартовой площадки она начинается) требует не устранения из хозяйственной жизни государства, а радикальной модификации его функций. На место всеобъемлющего контроля за производством и распределением товаров и услуг приходит создание условий для эффективных конкурентных рынков, а также институциональных, экономических и социальных предпосылок для подъема частного предпринимательства. Кроме того, важные меры государства по направлению активности частного бизнеса в желательное для общества русло. Благодаря последовательному и в целом грамотному выполнению этих функций собственно и произошли все "экономические чудеса" второй половины XX века. Наибольшее внимание, пожалуй, привлекли Япония, Южная Корея, Гонконг, Сингапур, Тайвань, а также Малайзия, Таиланд, Индонезия и Китай. Конечно, здесь не обошлось без существенных накладок, которые ныне обернулись серьезным финансовым кризисом, а в Индонезии произошел настоящий экономический обвал.

Н.А. Симоиня: Прежде всего я хотел бы уточнить один важный методологический момент: "переходность" экономики предполагает, что данное общество стремится догнать какое-то другое общество, находящееся на качественно ином, более высоком уровне социально-экономического и (шире) формационного развития. По-моему, это подразумевает, что реализовывать "догоняющее развитие" невозможно путем последовательного повторения эволюционной модели более передового общества. То есть западная модель зарождения, становления и развития капитализма неприменима во всех странах "догоняющего развития". Эта исходная теоретическая предпосылка подтверждается неудачной послевоенной практикой вестернизации десятков развивающихся стран. При "догоняющем развитии" необходимы иной порядок фаз капиталистической эволюции, иная - активная и структурообразующая - роль государства уже на первых этапах перехода, больший упор на структурные элементы наиболее современных форм предпринимательства в интересах сокращения естественноисторического процесса и "минования" отдельных его этапов.

Эта особенность "догоняющего развития" имеет принципиальное значение для оценки роли государства в процессе формирования частного предпринимательства в переходных обществах. В отличие от стран первичной модели капитализма (Нидерланды, Бельгия, Англия, Франция), где естественный процесс становления частного предпринимательства прошел длительный путь от простой кооперации через мануфактуру и фабрику к крупным монополистическим и транснациональным корпорациям (ТНК), в странах вторичной модели (Россия, Италия, Германия, Япония) государство играло решающую структурообразующую роль в ходе формирования частного предпринимательства.

Вспомним Россию рубежа XIX-XX веков: ее развитие как по генезису, так и по структуре существенно отличалось от "классического" западного государственно-монополистического капитализма (ГМК). Во-первых, государство появилось на российской сцене не на заключительной фазе монополизации, а выступало инициатором и главным участником этого процесса. Во-вторых, в формировании ГМК основную роль играли представители иностранного капитала, царского двора, высшей бюрократии и кучки нуворишей. Этот реакционный аристократически-бюрократический монополистический капитал присвоил себе все плоды буржуазной модернизации и препятствовал широкому развитию массового демократического капитализма. Поэтому я характеризую такой вариант ГМК как "небоскрежный".

В отличие от классического "пирамидального" варианта развития капитализма, при котором ГМК представляет собой как бы верхушку этой "пирамиды", которая покоится на широком, складывающемся не один век основании частнохозяйственного капитализма и мелкотоварного сектора, "небоскрежный" ГМК не имеет солидной "подпочвы", что и предопределило шаткость возведенного здания и ту легкость, с которой его опрокинула революция 1917 года. Тенденция "небоскрежного" варианта бюрократического ГМК отчетливо прослеживается и в современной России. В случае окончательного утверждения она чревата серьезными социальными и политическими катаклизмами. Дело тут не просто в "досрочном" формировании ГМК (оно неизбежно и необходимо для успеха "догоняющего развития!"), а в слишком сильной несбалансированности этой тенденции с процессом созревания частного мелкого и среднего предпринимательства. Следствие этого - отсутствие современного среднего класса.

Государство и бизнес в Юго-Восточной Азии

А.Я. Эльянов: В последние годы много говорилось об "азиатских драконах", об "экономическом чуде" в Юго-Восточной Азии. Но в конце 1997 года этот регион накрыл экономический кризис, продолжавший углубляться и в следующем году. Думаю, интересно было бы проанализировать эти процессы с позиций взаимоотношений частного бизнеса и государства.

Н.А. Симония: Начнем с Южной Кореи, которая до последнего времени воспринималась как наиболее успешный образец "восточноазиатской модели" капитализма (не считая, конечно, Японии). Безусловно, важными факторами успеха здесь были национально-этническая однородность страны и ее принадлежность к конфуцианскому культурно-цивилизационному ареалу. Отсюда и отсутствие четко обособленного этапа паразитического становления бюрократического капитала, "зацикленность" государства на общенациональной стратегии развития, в частности на политике "выращивания" национального крупного бизнеса. Но я должен отметить, что у нас все еще преобладает неверное представление о характере формирования южнокорейского капитала, в том числе крупного.

Большие монополистические корпорации (чеболи) создавались в Южной Корее по решению правительства, которым определялись и основные направления их экономической активности. Важно, что государство сумело провести четкую грань между бюрократией и бизнесом. Например, в 1980-1986 годах среди 290 министров и

заминистров правительства не было ни одного бизнесмена, а в парламенте заседали лишь один крупный предприниматель и несколько мелких, да и те представляли оппозицию. Бизнес практически не участвовал в политике и не служил каналом продвижения в госаппарат. Коррупция, как и всюду, конечно, существовала, но и борьба с ней была суровой (вспомним суд над двумя бывшими президентами и процесс над сыном президента Ким Ен Сама в период исполнения им своих полномочий).

Одним из главных орудий формирования частного бизнеса в Южной Корее стала жесткая кредитно-финансовая монополия государства. Правительство контролировало раздачу кредитов, уровень процентных ставок, инвестиции в промышленность. Тем самым оно формировало структуру общественного воспроизводства в соответствии со своей стратегией. Осуществлялся и избирательный контроль за ценообразованием. Борясь с долларизацией и йенизацией экономики, оно принудительно добивалось хранения иностранной валюты на специальных счетах в Центральном банке. Промышленные инвестиции осуществлялись в строгом соответствии с установленными приоритетами. Торговая экспансия опиралась на целенаправленное субсидирование государством экспорта. В то же время контролировался и импорт (запретительные пошлины вводились на предметы роскоши, поощрялся импорт оборудования для новых отраслей). Серьезное внимание уделялось НИОКР (на эти цели шло почти 2% ВВП).

Всемерно поддерживая чеболи, правительство не забывало мелкий и средний бизнес. Так, в 1979 году 33 отрасли были специально зарезервированы для него. Через 10 лет таких отраслей стало 237. До 35% кредитов банки должны были выделять мелким и средним предприятиям. В результате к середине 1988 года доля малых и средних фирм в добавленной стоимости обрабатывающей промышленности достигла 40%.

Все это позволило стране пройти большую часть пути в рамках индустриальной парадигмы "догоняющего развития". Но модель эта не идеальна. Достаточно упомянуть об огромной социальной цене реформ, о тех массовых стрессах и психологическом напряжении, которые до сих пор испытывают многие корейцы.

И еще один важный момент. По мере того как росли и крепились чеболи, росло и их стремление к самостоятельности, правда, сочетавшееся с желанием сохранить льготы и привилегии, полученные от правительства. В то же время Запад требовал большей либерализации и открытости корейской экономики. Правительство понимало, что сохранение экстенсивной модели индустриализации в новых условиях невозможно. Чеболи использовали созданные для них тепличные условия для экспансии во все новые и новые сферы. Это вело к распылению накоплений, препятствовало концентрации капитала и росту производительности труда. Такие корпорации теряли конкурентоспособность на мировом рынке.

А.Н. Федоровский: Я бы хотел продолжить тему взаимоотношений государства и бизнеса в Южной Корее. В 1993 году на смену эпохе политических диктатур пришел демократически избранный президент Ким Ен Сам. На 1993-1997 годы был выработан план построения "новой экономики". Реформы должны были включать в себя повышение эффективности деятельности правительства, сокращение бюджетных расходов, оптимизацию инвестиций, совершенствование налоговой системы, поддержку малого бизнеса. Важная роль отводилась приватизации (к 1997 году предполагалось передать в частные руки 58 крупных государственных компаний).

Значительное место отводилось реформе финансовой сферы. Намечалось следовать курсом на либерализацию финансовой политики, дерегулирование финансовых институтов, начать приватизацию, постепенно открыть доступ на финансовый рынок нерезидентам. Все эти меры призваны были обеспечить улучшение инфраструктуры финансового сектора, повысить в нем конкуренцию, что в результате поднимало бы эффективность его функционирования. Рассчитывали, что реформирование финансовой сферы должно благоприятно сказываться на реальном секторе экономики. Чеболи

и бюрократия (тут я не согласен с Симонией) давно установили между собой тесные (часто неформальные) отношения. Преувеличенная роль чиновников в финансировании бизнеса приводила к появлению сомнительных проектов и неэффективных инвестиций, а также к закулисной борьбе финансово-промышленных групп (ФПГ) за доступ к источникам финансирования. При этом существенные потери нес малый и средний бизнес.

Однако претворение намеченных планов происходило с большими трудностями. Оказалось, что экономический курс Ким Ен Сама не учитывает реальные тенденции в экономике: в условиях сложной конъюнктуры и череды банкротств, охвативших малый и средний бизнес, сложились более благоприятные условия для покупки, а не продажи фирм. Поэтому конгломератам было сложно выполнить указания правительства и сократить число дочерних компаний. Напротив, выгоднее стало приобретать новые коммерческие структуры. Поэтому, несмотря на мощное административное давление, ведущие ФПГ продолжали увеличивать число своих дочерних фирм. Столь же трудно проходил процесс приватизации: намеченную программу удалось выполнить менее чем на половину.

Не удалось сколько-нибудь существенно реформировать финансовую сферу. Президенты 10 ведущих подконтрольных правительству банков назначались президентом Республики Корея по рекомендации министра финансов. В коммерческих официально независимых "городских" банках президенты формально избирались на общем собрании акционеров, но, по существу, их кандидатуры всегда согласовывались с правительством. При этом большинство крупнейших постов в частных финансовых организациях было оккупировано бывшими чиновниками министерства финансов, которые не проявляли особого желания что-либо кардинально менять в банковско-кредитной политике. Сложившееся *status quo* в целом устраивало ФПГ. За конгломератами сохранялась возможность получения кредитных ресурсов в удобной для них форме и на выгодных условиях. Причем в наибольшей мере за сохранение сложившейся системы среди чеболей ратовали не лидеры, а аутсайдеры.

Таким образом, администрация Ким Ен Сама оказалась неспособной реализовать свою программу. Во многом это произошло потому, что проводилась реформа в жизнь той же бюрократией, ядро которой сложилось в период формирования предыдущей модели развития, чью основу составляли авторитарный режим, сильное вмешательство государства в экономические процессы, захват лидирующих позиций в экономике крупнейшими чеболями. Желая добиться своего избрания в 1992 году президентом и обеспечить как можно более плавный, бесконфликтный переход от авторитарного режима к демократии, Ким Ен Сам пошел на заключение перед выборами компромисса возглавляемой им в ту пору части конструктивной оппозиции с высшей бюрократией. Затем он доверил проведение реформ чиновничеству, которое было психологически, профессионально (а часть его и по корыстным соображениям) не готово к сколько-нибудь заметным переменам. В результате уже на стадии практической подготовки правительственных программ, законов и постановлений их реформаторское содержание было ослаблено, а то и выхолощено, во всяком случае сильно отличалось от первоначальных идей и заявлений Ким Ен Сама и его соратников.

Бюрократия не останавливалась перед применением санкций как против частных фирм, так и против банков, если последние отказывались следовать инструкциям правительства. Тем более что следы финансовых нарушений, как показали события 1996-1997 годов, можно было найти во многих финансовых институтах Южной Кореи. Объявив войну коррупции, Ким Ен Сам активизировал не только критику авторитарных режимов периода правления Ро Дэ У и Чон Ду Хвана, но и деловых кругов (прежде всего чеболей), которые, по его мнению, были тесно связаны с находящимися у власти генералами. Арест обоих бывших экс-президентов и последовавшее за этим расследование финансовых махинаций в высших эшелонах власти повлекли для чеболей негативные последствия. Официальные обвинения были выдвинуты руководителям более 20 чеболей.

Непоследовательная, противоречивая политика администрации Ким Ен Сама негативно отразилась на экономических процессах в стране. Это наглядно проявилось в 1996-1997 годах, когда ухудшение конъюнктуры на внешнем рынке вызвало кризис южнокорейской экономики. Разногласия между ведущими ФПГ и правительством относительно методов преодоления трудностей сохранялись и мешали проведению конструктивной экономической политики. Было упущено время для проведения действенных реформ и осуществления структурных преобразований в народнохозяйственных комплексах.

Период правления Ким Ен Сама наглядно показал не только фатальную неспособность южнокорейского государства предотвращать углубление кризисных явлений в экономике, проводить неангажированную сбалансированную политику в отношении коммерческих структур. Одновременно выявилось, что значительной части крупного бизнеса Южной Кореи присущи неспособность предвидеть назревание кризисных процессов, а также инерционность и негибкость.

Неудачи в проведении реформ не были случайными, они отнюдь не связаны исключительно с недостатками или пороками администраций Чон Ду Хвана, Ро Дэ У или Ким Ен Сама. Основные причины обусловлены тем, что в 60-80-е годы сложились глубоко интегрированные, тесные отношения бюрократии и политической элиты с лидерами бизнеса. Всякое изменение сложившегося положения означало бы значительное ограничение экономической власти госаппарата, сокращение численности чиновничества, снижение его политического влияния. В свою очередь ФПГ лишались своего привилегированного положения в бизнесе, обеспечивавшего им доступ к источникам крупных и дешевых кредитов и других льгот.

Валютно-финансовый кризис, распространившийся в Восточной Азии в 1997 году, дестабилизировал ситуацию в Южной Корее. Банки этой страны лишились возможности заимствовать на региональном рынке капиталов и потеряли сферу приложения своих инвестиций для проведения высокодоходных операций. Покрывать внутренние финансовые потери оказалось нечем. Кроме того, обвальная девальвация воны на первых порах не столько улучшила позиции экспортеров, сколько ухудшила условия возвращения внешних долгов. Ряд чеболей (ведущих заемщиков на внешнем рынке), а также крупных банков лишились возможности осуществлять текущие платежи. В результате страна оказалась на грани финансового краха.

В.Г. Гельбрас: В странах формирующихся рынков становление частного предпринимательства - неременное условие успеха преобразований. Естественно, что в данном процессе велика роль государства. В этом плане интересен пример Тайваня и Китая. На Тайване складывание частного бизнеса было длительным и прошло несколько этапов. Первый охватывает 50-е годы. Была проведена аграрная реформа, в результате которой сложился слой трудовых крестьянских хозяйств. Появившиеся тогда первые крестьянские объединения и сельскохозяйственные кооперативы стали важными рычагами экономического воздействия государства на мелкое крестьянское производство. В то же время в стране господствовали крупные государственные корпорации, дававшие около 60% всей промышленной продукции. Но государство уже тогда стимулировало частное производство, давая ему кредиты и налоговые льготы, ограничивая и запрещая соответствующие виды импорта. В результате в 1959 году впервые на частных предприятиях было произведено больше продукции, чем на государственных. Второй этап охватил 60-70-е годы. Государство в этот период сконцентрировало усилия на создании крупных фирм в ведущих отраслях экономики. Для конкретной помощи частному сектору в ряде отраслей тяжелой промышленности были организованы специальные центры развития, законодательно поощрялось создание акционерных компаний, слияние средних и мелких предприятий. Наиболее динамично расширялись позиции среднего и крупного капитала. Правительство заботилось и о развитии НИОКР: по закону частные фирмы должны были отчислять на эти цели 0,8-2% своих доходов (а в некоторых отраслях и больше). Кроме того,

такие капиталовложения особо поощрялись государством. При этом государство продолжало поощрять приток иностранного капитала в экономику острова.

На третьем этапе - в 80-90-е годы - наиболее важной чертой государственной политики в отношении частного предпринимательства стали процессы приватизации государственных предприятий, сокращение масштабов непосредственного вмешательства государства в производство и распределение, стимулирование частной инвестиционной деятельности. Государство отказалось от регламентации цен на внутреннем рынке, сократило с 35% до 25% налог на прибыль корпораций. При этом оно сохранило контроль за притоком иностранного капитала: с одной стороны, стимулировало его поступление, а с другой - с помощью системы лицензий ограничивало его размеры в стратегически важных отраслях. В сельском хозяйстве государство приступило к поощрению производственной кооперации крестьян при сохранении частной собственности на землю. Правительство также содействовало продаже малоземельными крестьянами своих участков, чтобы ускорить процесс укрупнения хозяйств и специализации аграрного производства.

Даже этот краткий перечень свидетельствует о наличии на Тайване целенаправленной долговой деятельности государства по развитию частного предпринимательства. В результате были обеспечены высокоэффективный рост производства, развитие сферы услуг, непрерывный рост уровня жизни населения. Прямой противоположностью является деятельность партии-государства в Китайской Народной Республике. Здесь до конца 70-х годов частное предпринимательство рассматривалось как абсолютно несовместимое со строительством социализма. Но даже после начала реформ партия-государство не занималось разработкой стратегии и тактики "выращивания" частного бизнеса. Его существование было лишь разрешено под давлением главной проблемы страны - обеспечения рабочими местами многомиллионного населения.

Власти пошли на дифференциацию понятия частного сектора, введя в оборот категории индивидуального и частного хозяйств (в последний вошли заведения, где работают более 5-8 человек, т.е. выходящие за рамки семейных хозяйств). Причем партия-государство не стремится к прояснению проблемы форм собственности. Так, заметную долю предприятий, зарегистрированных как "коллективные", фактически составляют частные, характер собственности тысяч и тысяч так называемых волостных и поселковых предприятий на деле вообще не определен. Особенность их существования в том, что на наемный персонал не распространяются гарантии и социальные льготы, характерные для государственного сектора.

Действуя таким образом, партия-государство стремится полностью использовать резервы роста производства товаров и услуг, связанные с существованием гигантских масс безработных и аграрным перенаселением. Характерно, что за прошедшие годы в наибольшем масштабе расширялась занятость на предприятиях смешанных и переходных форм собственности. Но государственный сектор по-прежнему играет ведущую роль в экономике страны.

Однако и роль частного предпринимательства, преодолевающего многочисленные препоны, постоянно растет. Особенно за счет китайских крестьян-арендаторов, чей потенциал целенаправленно используется партией-государством. Крестьяне в поисках средств к существованию вынуждены соглашаться на условия труда и доходы существенно худшие, чем в государственном секторе. Напомню, что в Китае нет частной собственности на землю. И отнюдь не по идейно-политическим мотивам. Главная причина - острый дефицит пахотных земель при беспрецедентном аграрном перенаселении.

Резюмируя, могу сказать, что в Китае партия-государство находится в межеумочном положении. Пойдя на допущение частного бизнеса, оно оказалось не в состоянии сделать следующий шаг - разработать стратегию и тактику его развития. В результате частное предпринимательство, подобно воде в весеннее половодье, преодолевает преграды на своем пути, в том числе развивая "теневую экономику".

Н.А. Симония: Чтобы дополнить картину взаимоотношений государства и частного бизнеса в Юго-Восточной Азии, я попыталась вкратце охарактеризовать эти процессы в Таиланде и Индонезии. Таиланд никогда не был колонией, а потому здесь не существовало колониального государственного сектора, да и иностранные инвестиции были сравнительно незначительны. Видимо, поэтому главным объектом экономической экспансии тайской бюрократии стал местный китайский бизнес, тем более что китайская община здесь была достаточно многочисленной и играла значительную роль в экономике.

Наступление тайской бюрократии на китайский бизнес началось еще в период подъема тайского национализма и трансформации тайской монархии в конституционную в результате армейской "революции сверху" (1932) и затем велось под знаменем "таизации" экономики. Но фактически все свелось к крупномасштабной коррупции в тайских силовых структурах, "оседлавших" китайский бизнес, который в результате был вынужден принять навязанные ему "правила игры".

Однако в 60-80-е годы стала преобладать тенденция взаимовыгодного сотрудничества тайской бюрократии и крупного китайского бизнеса. Она развивалась и крепла, несмотря на многочисленные военные перевороты, перемежавшиеся краткими периодами "квазидемократического" гражданского правления. В итоге крупный китайский капитал не остался внакладе: он обрел стабильное положение в обществе, получил значительные государственные льготы, преимущественный доступ к правительственным заказам и т.п.

В последние десятилетия тайско-китайский синтез вышел на уровень бюрократического капитализма и даже (по региональным меркам) ГМК. Ассимилировавшиеся представители местного крупного китайского бизнеса получили доступ к правительственным постам. Однако капитализм в стране укоренен слабо, и Таиланд все еще относится ко второму эшелону "тигров", как и Индонезия.

Индонезия для нас особенно интересна, так как формирование бюрократического капитализма там наиболее близко по характеру аналогичным процессам в России. Возможно, это обусловлено сходством некоторых предпосылок. Во-первых, наличием крупного государственного сектора. Во-вторых, правящим классом в Индонезии является государственная бюрократия; бюрократическая традиция превалирует в общественной жизни страны. В-третьих, важный источник "накопления" бюрократического капитала - незаконное присвоение значительных государственных финансовых средств. В-четвертых, в стране изначально был крайне низок уровень национального частного предпринимательства (особенно на Яве, где проживает 2/3 населения страны и до сих пор сильны традиции азиатского способа производства древнейших империй архипелага).

Процесс формирования и развития бюрократического капитала в Индонезии распадается на две отчетливые фазы: паразитически-разрушительную и паразитически-созидательную. Первая связана с правлением президента Сукарно вплоть до его отстранения в 1965 году. Главным в этот период было "первоначальное накопление", расхищение госсобственности и возникновение на этой основе частного бизнеса бюрократии (часто оформляемого на родственников и подставных лиц). Эта фаза характеризуется глубочайшим кризисом, упадком производства, спиральной инфляцией и т.п. Шло "проедание" основного капитала, накопленного в колониальный период. Наиболее важные политические моменты - популистская авторитарная, но слабая президентская власть, неконсолидированность режима, соперничество законодательной и исполнительной власти, противостояние гражданской и военной бюрократии.

Вторая фаза хронологически совпадает с утверждением у власти президента Сухарто (с 1967-1968 годов). Продолжающееся паразитическое присвоение собственности начинает уравниваться и даже перекрываться созидательной функцией окрепшего бюрократического капитала, заинтересованного в расширении производства и экспорта. Политическая обстановка стабилизируется за счет "единовластия"

военно-бюрократической элиты и "обеспечения" социального и политического консенсуса силовыми репрессивными методами.

Стало очевидным, что государственная бюрократия взяла курс на доминирование в экономике крупных корпораций с привлечением в качестве деловых партнеров китайских бизнесменов. Последние были весьма податливым материалом для властей, так как, даже будучи гражданами Индонезии, они оставались людьми "второго сорта". В кризисных же ситуациях китайская община становилась своеобразным "громом-отводом", на который правящие круги канализируют недовольство населения. Пример тому - события 1998 года.

Вместе с тем крупный китайский капитал в Индонезии благодаря своим тесным (даже родственным) связям с аналогичным капиталом в других странах Юго-Восточной Азии выступает как существенный фактор ускорения и углубления регионального сотрудничества и экономической интеграции в рамках АСЕАН. Так или иначе, но упор на форсированное становление бюрократического госкапитализма и даже отдельных корпораций государственно-монополистического уровня позволил Индонезии за 25-30 лет войти во второй эшелон "азиатских тигров".

Азиатский опыт и российский путь

А.Я. Эльянов: Должен сказать, что российские власти не захотели или не смогли использовать опыт рыночных преобразований, накопленный в переходных и развивающихся экономиках. Они явно переоценили возможности самоорганизации частного бизнеса в экономике такого типа. Либерализация большинства внутренних цен, ликвидация государственной монополии на внешнюю торговлю не были своевременно подкреплены соответствующими правовыми актами и оперативными мерами по поддержанию элементарного порядка в отношениях субъектов рынка. Более того, немалую лепту в дезорганизацию этих отношений внесло само государство. Пытаясь подавить инфляцию, оно пошло по пути не свертывания унаследованных от прошлого раздутых бюджетных обязательств, а их систематического неисполнения. Задержки с погашением задолженностей по госзаказам и выдачей зарплат бюджетникам сыграли роковую роль в раскрутке механизма неплатежей, до предела осложнивших отладку жизненно необходимой платежно-расчетной дисциплины. Это пагубно сказалось и на формировании нормальных деловых отношений государства с бизнесом.

Российская политическая элита оказалась неспособной работать на перспективу, определить общую направленность развития страны, его основные вехи, опорные точки, выделить приоритеты и механизмы, способные запустить нужные процессы. (Характерно, что официальные макроэкономические программы ограничиваются трехлетним горизонтом.) Деградация экономики, оказавшейся в свободном рыночном плавании, мало чему научила государство, неоправданно сузившее круг своих обязанностей перед обществом.

При этом так и не был доведен до конца процесс разгосударствления экономики. В условиях правового нигилизма преобладающая часть акционированных предприятий превратилась в арену борьбы за передел уже поделенной собственности. В стране ощущается явный дефицит ответственных и эффективных собственников. Особо велик пробел в развитии малого бизнеса, а также венчурных фирм, необходимых для рыночной реализации научно-технического и интеллектуального потенциала страны.

Наряду с отсутствием эффективной антимонопольной политики и общей недоработанностью законодательной базы развитию предпринимательства мешает крайне несовершенная налоговая система. Усиление фискального начала, провоцируемого перманентным бюджетным кризисом при постоянном сужении налогооблагаемой базы, обернулось чуть ли не полной атрофией регулятивно-стимулирующих функций. Фискальное бремя провоцирует уход частного бизнеса в "тень" и дальнейшее усиление налогового пресса.

В итоге весь этот комплекс проблем (совместно с другими) и породил жестокий кризис осени 1998 года. Очевидно, что проводимая политика постоянно размывала основу возможного консенсуса между различными политическими силами и тем самым подпитывала политическую нестабильность, препятствующую созданию необходимого для экономического роста инвестиционного климата.

В.Г. Гельбрас: Я хотел бы отметить, что ситуация в России в плане отношений государства и бизнеса во многом похожа на положение дел в Китайской Народной Республике (хотя многие и ставят нам ее в пример). И тут и там допущено частное предпринимательство, но государство, несмотря на семь лет реформ, так и не пошло на формирование стратегии и тактики его развития. Не принят закон о земле и, соответственно, не допущена частная собственность на землю, хотя в России нет для этого тех преград, которые имеются в Китае. Частное предпринимательство сталкивается с огромными трудностями, высокой неопределенностью правовой, политической и экономической ситуации. Сохраняются угроза коммунистического реванша, противоречивость правовых основ предпринимательской деятельности, запретительные налоги, произвол чиновничества, недоступность кредита и т.д. и т.п. Главное - не произошло осмысления содержания стратегии и тактики развития частного предпринимательства. Более того, большая часть политической элиты (за исключением ортодоксальных коммунистов и аграриев) поставила своей целью формирование "среднего класса". Однако, как и в КНР, частное предпринимательство развивается стихийно, стимулируя рост теневой экономики.

А.С. Солоницкий: Оценивая нынешнюю систему взаимоотношений государства и частного предпринимательства в России, нельзя не сделать существенной оговорки. Дело в том, что становление обеих этих категорий проходит весьма сложно. Процесс их отпочковывания друг от друга не был форсирован даже небывалым по скорости обретением огромных богатств определенным кругом лиц. И сегодня ни государство, ни частное предпринимательство не выполняют тех функций социально-экономического развития, которые им присущи в современном обществе. Более того, взаимоотношения государства и частного предпринимательства все больше нагружаются как врожденными, так и приобретенными пороками. Российское производство уже не слито с государством во всеобъемлющую военно-мобилизационную и разверсточную систему. Однако частное предпринимательство и особенно банковская сфера еще не стали автономной средой жизнедеятельности. Частичное разгосударствление собственности и обретение рядом монопольных и полумонопольных предприятий формальной свободы действий сопровождалось в 90-е годы созданием новой системы бюрократической, государственно-монополистической власти. Важнейшим механизмом этой системы стал "денежный тоталитаризм" с такими приводными ремнями прямой и обратной связи, как госбюджет, налоги, естественные монополии, а также разверстка льгот и привилегий автономным и полуавтономным предприятиям, фондам и организациям.

Эти факторы приняли системообразующий характер, но сразу же породили такие внерыночные формы выживания хозяйствующих субъектов, как уход от налогов и/или более глубокое погружение в "тень", а также бартерные сделки, взаимозачет, натуроплату, широкое применение ходящих по кругу векселей. При этом основные факторы производства — труд, капитал, новые технологии и государственное регулирование - действуют крайне ущербно.

Принципиальная черта взаимодействия государства и частного предпринимательства в нынешней России состоит в том, что большинство чиновников торгуют властью и тесно сплетены с бизнес-элитой. Иначе говоря, правящий слой страны представляет собой переплетение двух элитных групп. Представители бизнес-элиты часто ходят во власть и обратно. Также и чиновники нередко пересаживаются из казенных кресел в офисы предпринимателей. Характерна и междоусобица между кланами правящего

слоя. Она будет продолжаться постольку, поскольку раздел госсобственности все еще вдет и начался передел частной собственности.

Государство установило столь высокие налоги на прибыль и наем труда, что сразу начали складываться "новаторские" тенденции российского зарождающегося капитализма. Стала быстро расти задолженность государству тех предприятий, которые избежали разорения, но были вынуждены искать формы и методы выживания в условиях совершенного хаоса в структуре общественного производства и придавленного спроса. Предпринимательский сектор все шире прибегал к такой форме выживания, как неуплата налогов. В результате весьма своеобразную черту взаимоотношений государства и частных предпринимателей в России составила именно зависимость предприятий от государства на основе их задолженности и вообще нехватки у них наличных денег.

Недостаток оборотных средств в экономике создал устойчивый квазирынок бартерных сделок. Их доля в продажах промышленных предприятий возросла с 6% в 1992 году до 41% в 1997 году. При этом безналичный рубль превращается в стране в некую инвалюту, которая обслуживает только элитную часть хозяйственного оборота. Особенно болезненно это сказывается на субъектах федерации и внебюджетных фондах, которые после выплаты федеральных налогов не имеют реальных денег. И в результате образуются региональные рынки со столь высоким уровнем бартеризации, что они все больше отчуждаются от общенационального. Немаловажное значение приобрело и то обстоятельство, что цена товара по бартеру всегда существенно выше, чем при безналичной рублевой оплате. Это создает своеобразный антирыночный механизм ценовых перекосов и крайне затрудняет оценку издержек производства у предприятий.

В различных аналитических оценках российской экономической ситуации уже укоренился термин "экономика неплатежей". В такой экономике практически не может сформироваться созидательный фактор рыночного равновесия. В ней крайне затруднены как государственные акции, так и стихийный процесс выявления подлинной рентабельности и конкурентоспособности предприятий. Соответственно, невозможны ни рациональная выбраковка предприятий, ни инвестиционная политика на основе перспективных приоритетов.

Вообще сложившиеся в сегодняшней России взаимоотношения государства и частного предпринимательства создают впечатление нескольких сплетенных порочных кругов. Я согласен с данным "Финансовыми известиями" определением: "Система принятия решений заключается в отсутствии самой системы. Это не очень хорошо, но механизм работает". Но главное, быть может, в том что государство и общество пока не готовы принять какую-либо жесткую модель государственного регулирования экономики - либерально-рыночную или административно-государственную. Ни на рынке, ни в обществе нет признанных критериев поведения и принятия решений: одна часть субъектов экономики действует по одним, а другая часть - по иным правилам. О том, что российская экономика пока отнюдь не либеральна, можно судить, в частности, по таким ее характерным чертам, как корпоративное управление предприятиями при сплетении попыток госрегулирования с частнопредпринимательской деятельностью; нерыночный характер взаимоотношений банков и государства; отпугивающая инвесторов неделовая закрытость экономических структур и особенно финансовой сферы.

Все более обостряется задача формирования достаточно сильного, обладающего политической волей и стратегически ориентированного государства. Оно должно активно содействовать организации экономики и развитию промышленного капитала, найти современные, основанные на достижениях НТР, формы использования способностей народа, его творческого потенциала. Эффективность деятельности государства и его взаимоотношений с частным предпринимательством повысятся в том случае, если оно выработает и внятно озвучит стратегию решения задач именно такого плана. Само наличие государственной стратегии, обращенной своей идейной сущностью к

широким слоям населения, и тем более шаги по ее реализации, на мой взгляд, способны вызвать к жизни новые, плодотворные формы общественного согласия.

Н.А. Симония: Специфика России с точки зрения формирования бюрократического капитала состоит в том, что этот процесс протекал у нас в основном стихийно, при массовом участии бюрократии. Но не в качестве представителя и исполнителя государственной воли (как было, например, в Южной Корее), а как группы частных лиц, использующих свое служебное положение в личных интересах. Если в Южной Корее чеболи создавались в течение длительного времени и финансировались непосредственно государством, то в России образование олигархических группировок происходило путем "дележа" между новоявленными "предпринимателями" гигантского "пирога" государственного сектора на основе фактического слияния высшего чиновничества с крупным бизнесом, полной безнаказанности коррупционеров, непосредственного участия представителей большого бизнеса в политике.

Толчком к массовому формированию бюрократического капитала стала гайдоровская либерализация. И в этом не было дурного умысла. Просто не были учтены очевидные факты реальной (а не виртуальной) российской действительности: при фактическом отсутствии сколь-нибудь значительной предпринимательской прослойки возможностями политики беспредельного либерализма могли воспользоваться только две социальные группировки. Наиболее массовая и главная из них - хозяйственная номенклатура, обладавшая необходимыми связями и соответствующими ноу-хау. Вспомогательная - представители нелегального бизнеса ("теневики"), обильно плодившиеся в период брежневского правления. Эти социальные группировки вместе с небольшими группами нового поколения нуворишей и обюкратившихся "демократических интеллигентов" и осуществили "первоначальное накопление" - отделение собственности от государства и последующее перераспределение ее между собой.

Отсутствие консолидированной и сильной государственной власти имело следствием фрагментарность бюрократического капитала. Острое противоборство различных его фракций и составляло главное содержание внутривнутриполитической борьбы последних лет. Были фракции, стремящиеся выйти на государственно-монополистический уровень и выступающие против уже преуспевших в этом фракций под знаменем борьбы с "монополизмом", используя для этого контролируемые структуры власти или средства массовой информации. При отсутствии четкой государственной стратегии развития национальной экономики инициатива перешла к наиболее "богатым" фракциям бюрократического капитала - тошгавно-сырьевой и финансово-торговой, которые и предопределили общую направленность развития.

Результатом стало засилие финансово-торгового капитала, основывающего свою спекулятивную деятельность на импортных льготах и беспрецедентной свободе "банковской" деятельности. Большинство отечественных банков занималось прежде всего "прокручиванием денег", обменом валюты и тому подобными операциями, обманывая государство и с его молчаливого согласия откровенно грабя население. При этом шло стремительное размывание индустриальной базы страны. Иллюзии относительно легкого и быстрого зарождения класса собственников развеялись быстро. Даже не столь многочисленные частные предприниматели, утвердившиеся через кооперативы и аренду в горбачевские времена и затем трансформировавшиеся в бизнесменов, были в конечном итоге маргинализированы. Все попытки этого слоя консолидировать свои ряды и политически организовать встречали жесткое сопротивление со стороны высшего чиновничества и бюрократической буржуазии.

Вопреки всем декларациям, правительство ничего не делало для обеспечения даже самых общих условий функционирования самостоятельного частного бизнеса. Так, по данным опросов, приводимых в Докладе о мировом развитии 1997 года Международного банка реконструкции и развития, более 75% бизнесменов стран СНГ жалуются на непредсказуемость политики правительства и его законодательных положений (это

больше, чем где бы то ни было в мире), более 65% - на нестабильность правительства (на уровне Тропической Африки), около 80% недовольны ненадежностью своего правового положения (и здесь мы первые), 88% опасаются за свою собственность (тут мы уступаем только ряду стран Латинской Америки) и около 65% озабочены коррупцией (и по этому показателю мы обошли все регионы мира).

Что же касается малого бизнеса, который первоначально наши либералы хотели сделать опорой новой власти, то после первоначального оживления дело застопорилось и в этой сфере. Начиная с 1994 года количество малых предприятий стало сокращаться (даже с учетом "черного" и "серого" рынков) и в 1998 году составило примерно 850 тыс. На них занято около 6 млн человек, или 10% трудоспособного населения (для сравнения: в Германии - 46%, а в Японии - 78%). Важно, что наше государство бросило малое предпринимательство на произвол муниципальных властей, мафиозных группировок и правоохранительных органов. В результате некоторые ученые и специалисты полагают, что у малого бизнеса в России просто нет никаких перспектив.

Все это свидетельствует о том, что в России отсутствует экономическая демократия, а только она и может быть основой возникновения подлинной политической демократии. Вновь вспомню Южную Корею: при всех жалобах на чрезмерную опеку чебелей правительства этой страны все же содействовали становлению необходимого минимума среднего класса, упорная борьба которого и обеспечила демократизацию и устранение военного режима. Наши же ростки среднего класса слишком чахлы и подавлены, чтобы осмелиться на серьезную борьбу за свои права. А финансовый кризис осени 1998 года больше всего прошел именно по этому слою.

С социально-экономической точки зрения мы до сих пор пребывали на этапе собственно "первоначального накопления". Это соответствует первому этапу формирования бюрократического капитала в Индонезии. Не знаю, когда мы сможем перейти ко второму индонезийскому этапу. Вместе с тем наш научно-технический потенциал все еще намного выше, чем у Южной Кореи, и у нас есть задел для информационно-технологического прорыва. Этот прорыв может стать реальностью, если политические условия экономического развития существенно улучшатся.

© Н. Плискевич, 1999